Глава 2. Кто расставил сети?

Зная, что в еду подмешивают снотворное, Ли Сычэнь из последних сил боролся с собой. Аромат горячего обеда дразнил, проникая в самое нутро, но мальчик не сдавался. Впрочем, тех, кто приносил еду, его стойкость не волновала: они равнодушно забирали пустые или полные тарелки, просто оставляя новую порцию. Так продолжалось два дня. Изнурённый жаждой и голодом, Сычэнь сорвался, когда в каюту принесли следующий поднос. «Уж лучше беспамятство, чем голодная смерть», — мелькнуло в голове, прежде чем он набросился на еду.

Через несколько циклов вынужденного сна Ли Сычэнь окончательно пришёл в себя и почувствовал, что ход судна замедлился, а вскоре и вовсе прекратился. Его вывели на берег и вместе с другими детьми заперли в огромном пыльном складе.

— Как тебя звать? Сколько лет? — к нему подскочил мальчишка в лохмотьях. Его лицо было измазано грязью, но глаза лихорадочно блестели.

Сычэнь плотно сжал губы. Он вспомнил слова тётушки Чжан о том, что добрых людей на свете всё же больше, и решил, что, возможно, стоит довериться этому оборвышу. Голос двенадцатилетнего подростка, начавший ломаться, прозвучал хрипло и неуверенно:

— Меня зовут Ли Сычэнь. Мне двенадцать.

— Двенадцать?! — собеседник едва не закричал, вовремя прикрыв рот ладонью. Поняв, что привлёк лишнее внимание, он зашептал: — Да какой ты двенадцатилетний? Мал совсем! Мне вот десять, а я погляди — куда крупнее тебя буду.

Он наглядно продемонстрировал разницу, встав рядом. И впрямь: они различались не только ростом, но и телосложением. Сычэнь выглядел болезненно хрупким. Впрочем, удивлению мальчика он не поразился — даже те двое похитителей на корабле не поверили, что перед ними почти подросток.

Сычэнь подтянул колени к груди, чувствуя себя неловко под этим пристальным взглядом. Но, вспомнив наставления тётушки Чжан о вежливости, он всё же поднял голову и посмотрел мальчику в глаза.

— Я — Ли Гоудань. Запомнил?

— Угу, — Сычэнь кивнул. «Гоудань — Собачье яйцо…» Имя казалось странным и даже нелепым, но он предпочёл промолчать.

Заметив, что новый знакомый не прыснул со смеху, Гоудань просиял.

— Ли Сычэнь, ты единственный, кто не стал ржать над моим именем. С этого дня мы друзья. Я

буду тебя прикрывать, понял? Никто тебя не обидит.

Гоудань горделиво выпятил грудь. Сычэнь невольно покосился на других пленников в углу склада. Те были старше и сильнее на вид, но по крепости духа и наглости, пожалуй, уступали этому десятилетнему задире. Однако один вопрос не давал Сычэню покоя.

— А почему тебя продали?

Он знал, что его самого предала та женщина, мачеха. Но не верилось, что судьба каждого в этой дыре была столь же горькой.

— Продали? — Гоудань хмыкнул, словно вспомнив о чём-то обыденном. — Вообще-то я сам пошёл. У меня куча братьев и сестёр, жрать дома нечего, хоть шаром покати. А эти предложили несколько тысяч за меня. Я и согласился. Подумал, что уж лучше пусть купят, чем подохнуть с голоду на глазах у матери.

Он говорил об этом без капли обиды, даже с какой-то дикой гордостью за собственную «ценность».

— А-а… — Сычэнь лишь издал невнятный звук. В его голове не укладывалось, как можно добровольно выставить себя на торги.

— Слушай, — Гоудань вдруг придвинулся вплотную, обдав Сычэня шепотом. — Мне здесь надоело. Нужна твоя помощь.

«Ему что-то нужно от меня?» — кольнула обида. Но, видя, насколько серьёзен Гоудань, Сычэнь лишь кивнул:

— Говори.

— Слушай внимательно. Сейчас прикинешься, что у тебя жутко прихватило живот. Нас переведут в другое место. И запомни: когда придут люди, не смей меня отпускать. Ты должен вытащить меня с собой. Понял?

Гоудань впился взглядом в Сычэня, и в этом взоре мелькнула неприкрытая угроза. Ли Сычэнь закусил губу, едва сдерживая слёзы. Всего мгновение назад этот мальчишка обещал защиту, а теперь смотрел на него как на инструмент.

— Ладно, — выдохнул он и потянулся к животу.

— Стой, не сейчас! — Гоудань перехватил его руку. Ладони их разительно отличались: у Гоуданя — грубые, покрытые мозолями, у Сычэня же — тонкие и мягкие. Несмотря на

нелюбовь семьи, его никогда не заставляли гнуть спину на черновой работе. — Жди до вечера. И ещё… ты хоть знаешь, как это, когда живот по-настоящему болит?

Сычэнь сначала кивнул, потом качнул головой. Однажды у него действительно случился приступ, и он промучился целый день в одиночестве, пока его не нашла тётушка Чжан. Но сейчас-то он был здоров. Как изобразить то, чего нет?

— Было такое, да? — Гоудань прищурился, в его взгляде читалась недетская хитрость. — Когда наступит вечер, вспомни ту боль. Не только саму резкую боль, а всё вокруг: как тебе было страшно, как ты задыхался. Если запорешь дело — нам обоим конец. Тебя забьют до полусмерти за обман. Усёк?

— Усёк, — голос Сычэня дрогнул.

— И не смей реветь! — прошипел Гоудань. — Ты думаешь, ты ещё в сказке? Нас продали, Сычэнь. Мы — мусор, отбросы. В этом мире никто и пальцем не пошевелит просто так. Только ты сам можешь о себе позаботиться. Думаешь, кругом полно добряков? Это пока ты им не мешаешь. Сделаешь всё, как я сказал, — и я больше не буду тебе докучать. Помогу выбраться отсюда, и разбежимся.

Сычэнь замер. Подобное он слышал впервые. Тётушка Чжан всегда твердила о милосердии, а этот мальчишка заявлял, что всё добро корыстно. Кроме тётушки Чжан… или она тоже чего-то хотела? Сомнение, ядовитое и острое, впервые шевельнулось в его душе.

Гоудань, заметив его взгляд, на мгновение смутился, но быстро вернул себе маску уверенности.

— В общем, делай, что велят. Я не ошибаюсь. Вечером изобразишь агонию, и главное — не притрагивайся к их еде.

Время тянулось невыносимо медленно. Сычэнь сидел неподвижно, оглушённый происходящим. Его жизнь рушилась слишком быстро.

Когда на склад опустились сумерки, Гоудань подсел к нему и помог избавиться от принесённых порций — он не съел их, а незаметно вылил в тёмный угол. Другие дети, одурманенные снотворным в пище, уже погрузились в тяжёлый сон. Никто не следил за ними.

Дождавшись знака, Сычэнь вызвал в памяти тот день, когда боль скручивала его внутренности. Обхватив себя руками, он скорчился в судороге, закусив губу. Из уголка глаза выкатилась одинокая слеза. Он играл настолько достоверно, что даже сам поверил в этот внезапный приступ.

Гоудань, удовлетворённо хмыкнув, вцепился в его плечо и заорал на весь склад:

— Эй! Люди! Помогите! Он сейчас сдохнет от боли!

Поскольку Гоудань был единственным, кто не прикоснулся к еде, его бодрствование не вызвало подозрений. Вскоре дверь распахнулась, и внутрь вошёл мужчина. Нахмурившись, он подошёл к скорчившемуся Сычэню.

— Что тут такое? С чего это его прихватило?

— Не знаю я! — Гоудань обнял Сычэня так крепко, что разнять их, не применив силы, было невозможно. Он выглядел в полном отчаянии. — Я делом был занят, не ел ещё, оборачиваюсь — а он уже катается по полу. Дяденька, спасите его! Он же совсем мелкий, помрёт ведь. Вы же за нас кучу денег отвалили, жалко же!

Намёк был понят мгновенно. Смерть товара означала убытки. Мужчина посерьёзнел. Гоудань был «добровольцем» и самым послушным из всей партии, поэтому его словам поверили без колебаний.

— Чёрт с вами. Отнесу его к доктору.

Он попытался поднять Сычэня, но тот мёртвой хваткой вцепился в лохмотья Гоуданя. Тот, изображая панику, начал картинно пытаться разжать пальцы Сычэня, хотя на самом деле не прилагал никаких усилий.

— Дяденька, что делать? Он вцепился в меня, не оторвать! Если не поторопимся, он точно кончится!

Мужчина раздражённо сплюнул.

— Ладно, пошли оба. Но только без глупостей. Если попробуешь дёрнуться — живым не останешься, ты это знаешь.

Гоудань испуганно сжался.

— Знаю, дяденька. Всё знаю.

Убедившись, что пацан напуган до смерти, мужчина довольно ухмыльнулся и, подхватив Сычэня на руки, вышел из склада. Гоудань семенил следом.

http://bllate.org/book/17536/1700340